
Н. Л. Жуковская

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МНР

(НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

Внимание ученых-востоковедов всего мира к Монголии вполне оправданно, так как она принадлежит к числу стран, которые как по своим естественным богатствам, так и в историко-культурном отношении представляют собой край богатых и пока еще далеко не реализованных возможностей. В нашем сообщении мы коснемся лишь проблем, представляющих интерес для историков, археологов, антропологов, этнографов, социологов.

Уже в 20-е годы нашего века Монголия привлекла внимание американских и французских антропологов и археологов. Результаты экспедиции Р. Ш. Эндрюса и Н. К. Нельсона в 1922—1930 гг. показали, что человек в Монголии обитал уже в верхнем палеолите, а может быть, и раньше¹.

Вслед за вопросом о времени заселения встала и другая, не менее интересная проблема. Монголия — страна классической кочевой культуры, настолько классической, что ни одна работа о кочевниках не обходится без примеров из жизни монгольских номадов. И в то же время земледельческая традиция на ее территории прослеживается с конца неолита — начала бронзового века. Именно этим временем датируются самые ранние находки зернотерок, пестов, расписной керамики².

X век — эпоха киданей — оставила следы прекрасных оросительных каналов, свидетельствующих о высокоразвитой земледельческой цивилизации. А ведь кидани — уже монголы! Отсюда проблема соотношения кочевого и оседлого элементов в традиционной монгольской культуре, существования и долговечности оседлых поселений.

XX век перед всеми исследователями своеобразных обособленных национальных культур поставил еще одну проблему: соотношение старого и нового, традиционной, и общемировой культур, а конкретно для Монгольской Народной Республики — исторический отбор черт классической кочевой культуры в условиях сложения социалистической формации и нового быта. И, конечно, по-прежнему интересуют исследователей этапы этногенеза монголов, их материальная и духовная культура, памятники устного народного творчества. В разработке этих проблем первыми оказали помощь молодой науке МНР советские ученые. С 1925 по 1953 гг. в Монголии совместно с Комитетом наук МНР работала Монгольская комиссия АН СССР. Основным направлением ее деятельности было изучение естественных ресурсов Монголии и ее экономических возможностей, проводились также исследования в области гуманитарных наук.

¹ В. Е. Ларичев, Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии, ч. I. Азия и проблема родины человека, Новосибирск, 1969, стр. 292—313, 382—388.

² В. В. Волков, Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии, Автореф. канд. дис., М., 1965, стр. 21—22.

Вел их Б. Я. Владимирцов, основоположник советского монголоведения. Им был собран и обработан громадный материал по языку, филологии, этнографии монголов.

В послевоенные годы интерес к МНР во многих странах резко возрос. Увеличился поток посещающих ее ученых. Нередко она становилась местом проведения международных конгрессов, конференций, симпозиумов. В этот период в МНР проводили исследования несколько больших международных экспедиций. Первой среди них была Советско-монгольская археолого-этнографическая экспедиция, возглавлявшаяся С. В. Киселевым. Она работала в 1948—1949 гг. Три отряда этой экспедиции (отряд, копавший Каракорум, возглавляемый самим С. В. Киселевым, отряд по поискам стоянок каменного века, руководимый А. П. Окладниковым, и этнографический отряд, возглавляемый К. В. Вяткиной) за два полевых сезона проделали громадную работу. Результаты ее давно стали достоянием науки³.

В 1959 г. в МНР работала экспедиция Венгерской Академии наук, занимавшаяся историко-филологическими исследованиями⁴. В 1961 г. проводила исследования Немецко-монгольская экспедиция под руководством И. Шуберта (ГДР), занимавшаяся поисками могилы Чингисхана. В 1963—1968 гг. в Баян-сомоне Центрального аймака работала Польская социологическая экспедиция (руководитель — проф. В. Дыновский), изучавшая проблемы урбанизации и модернизации традиционного кочевого быта монголов в современных условиях⁵. С 1960 по 1968 г. работала Советско-монгольская археологическая экспедиция под руководством А. П. Окладникова⁶. Неоднократно за последние годы выезжали на полевую работу в МНР советские этнографы и искусствоведы: Х. Ц. Ральдин (1963, 1965 гг.), В. П. Дарбакова (1966—1967 гг.), Н. В. Кочешков (1964, 1966 гг.), Л. Л. Викторова (1967, 1968 гг.).

Ежегодно на много месяцев выезжают в поле монгольские археологи и этнографы. Результаты их исследований велики: городища и поселения монгольского и домонгольского периодов, новые рунические надписи, весьма красочные, но исчезающие этнографические осколки старого быта — все это благодаря публикациям монгольских ученых стало достоянием науки. Собран и продолжает собираться материал для «Археологического атласа МНР» — многолетнего труда сотрудников сектора археологии и этнографии Института истории Академии наук МНР. Вслед за первой сводной монографией С. Бадамхатана «Дархаты Хубсугула» (Улан-Батор, 1965), посвященной одному из малых народов МНР, стали появляться исследования по отдельным частным этнографическим вопросам культуры как малых народов Монголии, так и основного населения страны — *халха*.

Введение в научный оборот большого археолого-этнографического материала значительно расширило само понятие «монголоведение», кото-

³ Сб. «Древнемонгольские города», М., 1965; К. В. Вяткина, Монголы Монгольской Народной Республики, «Восточно-Азиатский этнографический сборник», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. LX, М.—Л., 1960.

⁴ А. Рона-Таш, По следам кочевников. Монголия глазами этнографа, М., 1964.

⁵ Результаты их исследований опубликованы в сборниках: «Poland at the 8-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», Wrocław—Warszawa—Krakow, 1968; «Studia mongolskie», Wrocław—Warszawa—Krakow, 1969.

⁶ А. П. Окладников, В. Е. Ларичев, Археологические исследования в Монголии в 1967 г., «Известия Сибирского отделения (далее СО) АН СССР», 1968, № 11, вып. 3, серия общественных наук; и х же, Археологические исследования в Монголии в 1968 г., «Известия СО АН СССР», 1969, № 6, вып. 2, серия общественных наук; А. П. Окладников, А. П. Деревянко, Древние культуры восточных районов МНР, «Сов. археология», 1969, № 4; и х же, Тамцак-Булак — неолитическая культура Восточной Монголии, «Труды Бурятского института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР», Улан-Удэ, 1970, вып. 13, серия востоковедения; В. Е. Ларичев, Азия далекая и таинственная, Новосибирск, 1968, и другие работы.

рое долгое время понималось лишь как классическая филология. Рост научных кадров в Монгольской Народной Республике привел к дифференциации исторических дисциплин. С середины 50-х годов в самостоятельную отрасль науки в МНР выделились этнография и археология.

В 1960 г. Комитет наук МНР был преобразован в Академию наук. С тех пор монгольская наука достигла больших успехов: один за другим выходят в свет и получают признание в мировой науке труды монгольских ученых по древности, средневековью, новому и новейшему периодам истории Монголии⁷.

Показателем международной значимости монгольской науки явились I и II конгрессы монголоведов, состоявшиеся в Улан-Баторе в 1959 и 1970 гг.⁸

Обилие новых находок, собранных экспедициями, потребовало определенной систематизации и коллективного труда специалистов по многим отраслям исторических знаний.

И вот в конце 60-х годов во весь рост встает вопрос о многолетней комплексной экспедиции исторического профиля, которая помогла бы не только выявить, но и обработать и систематизировать обилие памятников монгольских древностей и традиционной культуры, подчинив их одной центральной идее — той роли, которую играют они в истории Монголии, в этногенетических процессах, происходивших на ее территории и приведших в итоге к образованию современной монгольской нации.

Продолжая традиции плодотворного научного сотрудничества между Академиями наук СССР и Монгольской Народной Республики, с 1969 г. начала свою работу Советско-монгольская комплексная историко-культурная экспедиция в составе пяти отрядов: трех археологических (по изучению памятников каменного, бронзового и железного веков, средневековых монгольских городов), эпиграфического и этнографического. В работе экспедиции участвовало более 30 советских и монгольских археологов, этнографов, филологов, историков.

За три полевых сезона работы экспедиции (1969, 1970, 1971 гг.) собран богатейший археологический, филологический, этнографический материал.

Особенно важны для науки исследования многослойных стоянок каменного века, позволяющие создать периодизацию неолитических памятников Восточной Монголии, и находка нижнепалеолитического комплекса на юге Сухэбаторского аймака в Дариганге, отодвигающая начальный период заселения Монголии на много тысяч лет. В нижнем течении реки Техин-Гол было найдено несколько фрагментов стелы с древнетюркскими текстами. Восстановленный из них обелиск представляет собой самый крупный тюркский рунический памятник Монголии. Открыто два крупных скопления петроглифов, дающих обширную информацию о различных сторонах жизни племен древней Монголии, в том числе большой комплекс петроглифов ущелья Яманы-Ус в Заалтайской Гоби. Памятник содержит очень редкие изображения — боевые колесницы, различные повозки, большие композиционно связанные сцены облавной охоты — важные для изучения многих вопросов древней истории, осо-

⁷ См. Б. Ширэндыб, Современное состояние общественных наук в МНР, «Народы Азии и Африки», 1964, № 4. Состояние общественных наук в Монголии наших дней нашло отражение в ряде докладов на II Международном конгрессе монголоведов в сентябре 1970 г. Ш. Нацагдорж, Историческая наука в МНР; Н. Сер-Оджав, Археологические исследования в МНР; Ш. Бира, К изучению истории монгольской культуры и т. д.

⁸ См. отчеты о конгрессах Ю. Н. Рерих, Первый международный съезд монголоведов-филологов, «Проблемы востоковедения», 1960, № 1; М. И. Гольман, Международный конгресс монголоведов, «Народы Азии и Африки», 1971, № 2; Н. Л. Жуковская, Второй международный конгресс монголоведов, «Сов. этнография», 1971, № 1.

Рис. 1. Каменная баба с территории Хапгай-сомона Арахангайского аймака МНР

восточных аймаков МНР (Восточного, Хэнтэйского, Булганского, Увур-Хангайского, Хубсугульского, Увсунурского, Дзабханского, Кобдосского), где изучались населяющие их халха, барга, хотогойты, эльдзигины, баяты, дэрбэты, хотоны, мингаты, захчины, торгуты. Состав отряда в течение трех лет работы не был постоянным. В общей сложности в его работе приняли участие 11 человек с советской и монгольской стороны: этнографы Л. Л. Викторова, Н. Л. Жуковская, С. Бадамхатан, Г. Цэрэнханд, филологи Д. Цэрэнсодном, М. Шинэху, историк Б. Болд, студенты-историки Монгольского и Московского университетов Ч. Цэрэннадмид, Г. Лувсан, Ц. Жанлав, Б. Виктор.

Программа работы советских этнографов была достаточно объемной. Она включала в себя исследования по таким большим проблемам, как этногенез монголов дочингисова периода, синкретизм ламаизма и доламаистских верований монголов, современная религиозная ситуация в Монголии, модернизация традиционной кочевой культуры монголов и ее взаимодействие с общемировой современной культурой, ономастические исследования. Монгольские специалисты проводили исследования по актуальным для монгольской этнографии проблемам: семья и семейный быт монголов (бюджет, обряды, производственный и общественный статус), формирование новых семейных и общественных праздников и обрядов, особенности материальной и духовной культуры отдельных этнографических групп монголов. Собранный материал обрабатывается, анализируется; готовятся к публикации совместные труды советских и монгольских ученых — участников экспедиции.

⁹ См. Э. А. Новгородова, Дорогой древних колесниц, «Вокруг света», 1971, № 3; В. В. Волков, Ю. С. Гришин, Раскопки и разведки в Монголии, сб. «Археологические открытия 1969 г.», М., 1970.

¹⁰ В. В. Волков, Э. А. Новгородова, Археологические исследования в Монголии, сб. «Археологические открытия 1970 г.», М., 1971, стр. 460.

¹¹ С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц, Согдийская надпись из Бугута, «Страны и народы Востока», вып. X, М., 1971.

бенно истории колесного транспорта в Монголии⁹. Среди более 150 новых «оленных камней», открытых экспедицией, два имеют изображения человеческого лица и, таким образом, являются древнейшими образцами антропоморфной скульптуры, датируемыми В. В. Волковым серединой I тысячелетия до н. э.¹⁰ На городище Харбухий-балгас найдена библиотека берестяных книг XVII в., представляющая большой исторический и лингвистический интерес. Была обследована согдийская стела из Бугута, считавшаяся до 1968 г. уйгурской. Опубликован ее перевод и исторический комментарий к нему¹¹. Стела является самым древним письменным памятником на территории Монголии, известным на сегодняшний день, а также самым ранним свидетельством существования буддийской сангхи на территории Монголии (VI в.).

Этнографический отряд за три полевых сезона проделал маршрут общей протяженностью свыше 15 тыс. км, провел этнографическое обследование восьми западных, северо-западных и

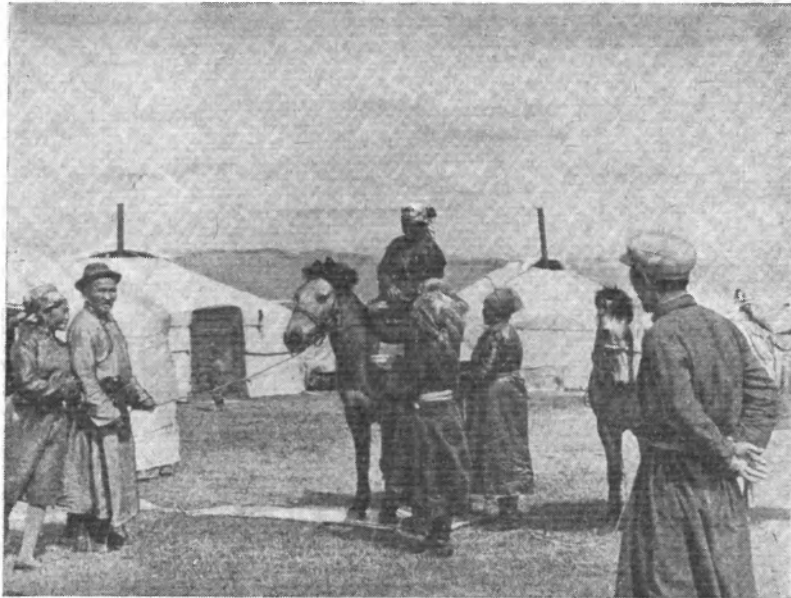

Рис. 2. Деталь свадебного обряда захчинов. Родственники жениха преподносят пиалу с молоком невесте, прибывшей со свадебным поездом в юрту жениха

Задачи, стоящие перед этнографами в МНР, огромны. Монголия — страна, где темпы создания нового уклада настолько быстры, что особенности традиционной кочевой культуры монголов исчезают прямо на глазах. Разумеется, степень внедрения нового в разных экономических зонах страны неодинакова. На востоке нередко можно встретить верблюдов, запряженных в деревянную, без единой железной детали, повозку — ту самую, которую можно увидеть на наскальных росписях бронзового века и которая до сих пор является наиболее распространенным средством передвижения и перевозки поклажи во время перекочевков. Однако на западе, в предгорьях Монгольского Алтая, где сомонные объединения полностью откочевывают¹² в горы на летний период и возвращаются на территорию центральной усадьбы сомона за несколько дней до начала учебного года, одними верблюдами уже не обойтись. Один за другим каменистыми горными дорогами проносятся с самых отдаленных кочевий к центральной усадьбе сомона грузовики с юртами, домашней утварью, детьми, и грохочущими на ходу бидонами и чайниками. Параллельно с ними чинно ступают по горным тропам навьюченные тем же скарбом верблюды, уже не запряженные в повозки, так как в безлесных западных районах деревянных повозок нет¹³. Три — пять дней требуется верблюду для перекочевки на расстояние в 80—100 км.

Многие семьи проделывают этот путь старым дедовским способом, не торопясь, ставя упрощенную походную юрту на месте каждого ночлега.

¹² Понятие «полностью откочевывают» не является в данном случае гиперболой, ибо откочевывают на летнее стойбище не только все жители до единого вместе со всем своим хозяйством — скотом, утварью, жилищем, а также больница и магазин, ясли и детский сад, резиденция сомонного и партийного руководства, но даже музей с персоналом и экспозицией.

¹³ Интересно отметить, что все известные в Монголии 10 изображений колесниц на писаницах бронзового века находятся на территории именно Монгольского Алтая. См. В. В. Волков, Э. А. Новгородова, Указ. раб., стр. 462.

Рис. 3. Так ездят за водой жители долины Керулена

Но те семьи, чьи дети пойдут 1 сентября в школу, должны спешить — этим на помощь направлены все грузовики.

Для изучения проблемы урбанизации МНР — благодатная страна. Эти процессы входят как составная часть в общий процесс перехода кочевой экономики на рельсы социализма и поэтому регулируются государством. Показателем урбанизации МНР является прежде всего бросающийся в глаза численный рост городского населения: в среднем по стране с 1956 по 1965 г. число горожан выросло почти вдвое, а в Улан-Баторе, Сухэ-Баторском и Селенгинском аймаках — более чем вдвое. Население, уходящее в города и аймачные центры, переходит в промышленность, сферу обслуживания, пополняет собой ряды интеллигенции. И даже в сомонных центрах (центральных усадьбах сомонных объединений) — основных производственных единицах в сельском хозяйстве Монголии, наблюдается тот же процесс изменения демографической структуры населения, появления новых социальных групп (преимущественно во внепроизводственной сфере), отражающий в масштабах небольшого коллектива общегосударственные процессы¹⁴.

С проблемой урбанизации тесно связана и другая, не менее важная для Монголии проблема — оседание кочевников. Как отмечено советскими исследователями, этот процесс идет в МНР двумя путями. Первый — это смена вида хозяйственной деятельности, т. е. уход кочевников в сферу производственную (промышленность, строительство, земледелие) или обслуживающую (транспорт, связь, торговля, культурно-просветительные и медицинские учреждения и т. д.). Второй путь — постепенный перевод кочевых форм ведения скотоводческого хозяйства и быта на полuosедлые и оседлые формы¹⁵. По данным на 1967 г., в МНР кочевой

¹⁴ Эти вопросы обстоятельно изучались Польской социологической экспедицией. Результаты исследований опубликованы в работе: D. Markowska, *Urbanisation of the Steppe*, «Poland at the 8th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», 1968.

¹⁵ В. В. Г р а й в о р о н с к и й, Некоторые особенности оседания кочевников в МНР; сб. «Страны Дальнего Востока (история и экономика)», М., 1971, стр. 14.

образ жизни вело 454 тыс. человек из 1191,7 тыс., т. е. менее 40% населения¹⁶.

Проблема оседания кочевников имеет экономический, демографический и этнографический аспекты. Последний включает в себя трансформацию традиционного скотоводческого хозяйства при переходе на оседлость, использование многовекового народного опыта в сочетании с новыми интенсивными методами ведения скотоводства. Модернизация традиционного уклада жизни, вживание старого в новое, сложные формы синтеза, которые рождаются в ходе этого процесса — все это должно стать предметом пристального внимания этнографов.

Бок о бок с вышеназванными возникает и еще одна, может быть, самая интересная проблема — модернизация традиционной кочевой культуры монголов и ее взаимодействие с общемировой, а точнее, с «западной», или «урбанической», культурой. Однако говорить о взаимодействии монгольской и немонгольской культур, как о контактах Востока и Запада (что, например, правомерно по отношению к Японии и Китаю), не совсем верно, ибо Монголия, замкнутая на протяжении всей своей истории между Россией и Китаем, вступала в активные контакты с обоими соседями, у которых и заимствовала отдельные элементы культуры. Более правильной представляется такая постановка вопроса, когда комплекс навыков в области материальной и духовной культуры, выработанных странами с давней земледельческой традицией (Россией, Китаем), противопоставляется по своей культурной модели кочевому миру, одним из классических представителей которого была Монголия.

В сфере материальной культуры усвоение элементов общеевропейской культуры через посредство русской установимо наиболее легко. В плане этнопсихологическом любопытно, что восприятие черт общеевропейской культуры и различные заимствования китайских обычаев, блюд, предметов и т. д., как правило, воспринимаются как результат общего прогресса, а отнюдь не длительных исторических контактов монголов со своими соседями. Например, такие виды пищи, как бозы (пельмени, варенные на пару), бунтузы (лапша из крахмала), вареные овощи уже не воспринимаются как заимствование из китайской традиционной кухни, а выпечка хлеба — как заимствование от русских.

Особый интерес представляет модернизация традиционного жилища кочевника — юрты. Здесь также четко прослеживаются две основные тенденции: 1) восприятие элементов общеевропейской культуры и 2) прогресс за счет общего развития экономической базы и роста культуры. Часто оба эти направления неразделимы. Так, если утрата символического членения юрты на восточную (женскую) и западную (мужскую) половины и все вытекающие из этого деления последствия практически утрачены вследствие общего прогресса общественной и культурной жизни Монголии, то, скажем, появление в быту алюминиевой утвари европейского образца, заменившей многие прежние деревянные и кожаные сосуды, можно считать результатом взаимодействия обоих направлений. И если в одних случаях такая замена является бесспорно положительным явлением (хранение воды в алюминиевой посуде, появление ручных моек и т. д.), то в других случаях положительные качества новой посуды не всегда бесспорны: например, для хранения молочнокислых продуктов типа простокваши (*тарак*), пенок (*урюм*), кумыса (*айрак*) алюминиевые изделия малопригодны и сохранение традиционной деревянной посуды представляется более желательным.

Те же тенденции можно обнаружить и в ношении одежды. Так, национальный костюм «дэль» утратил элементы, служившие лишь показателем принадлежности к той или иной социальной группе (богатую отделку, длинные и неудобные для работы рукава), и сохранил детали, удобные

¹⁶ Б. Гунгадаш, Монголия сегодня, М., 1969, стр. 82.

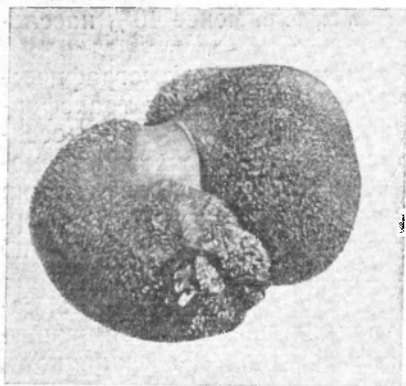

Рис. 4. Гузе — сосуд, сделанный из бараньего желудка. Используется монгольскими народами для хранения масла

в современном быту (особенно в быту скотовода). Это итог общего прогресса. Ношение же европейской одежды (городскими жителями повседневно, сельскими — во время общественных праздников и публичных зрелищ; на семейных торжествах преобладает национальная одежда) — классический случай восприятия общеевропейской культуры, как в общем-то и вся структура городского быта. Как уже говорилось выше, Монголия знакома с земледелием с конца неолита. Однако современные формы ведения земледельческого хозяйства, которые предстают перед нами, свидетельствуют не столько об исторической традиции в этой сфере материального производства, сколько о плодотворных результатах контактов со своими соседями на про-

тяжении последних 200 лет. Показательны в этом отношении земледельческие районы Кобдоского аймака. Кобдо и его окрестности — крупный современный овощеводческий центр Западной Монголии. Много десятков лет здесь жили бок о бок монголы, китайцы, казахи, а с последней четверти XIX в. русские. Китайская система разведения огородов с их четкими чередующимися квадратами овощных культур и системой искусственного орошения в виде небольших каналов — арыков, прорезающих огород, была воспринята и монголами. И хотя такой огород в личном хозяйстве монгольских семей, живущих в этом районе, все еще редкость, государственные овощеводческие хозяйства под Кобдо устроены именно по такому принципу.

Начиная с первой четверти XVIII в. по рекам Толе, Орхону, Кобдо стали появляться первые китайские земледельческие колонии, население которых по распоряжению маньчжурского правительства должно было снабжать хлебом гарнизоны в Монголии¹⁷. Монголы, живущие по соседству с этими колониями, восприняли способы обработки земли, орошения, уборки созревших колосьев, а также последующую их обработку и использование в пищу.

Русское влияние в земледелии сказывалось также, особенно в северных и северо-западных районах страны, где проживали русские купцы и колонисты-староверы, осевшие в Монголии. Однако в целом их влияние было слабее в силу численного превосходства китайцев-земледельцев при одинаково низком уровне земледельческой технологии у тех и других. Но зато различные новшества в области скотоводства монголы ввели под влиянием русских: загоны для зимнего содержания скота, сенокосение, противочумные прививки скоту¹⁸.

В наши дни, когда земледелие начинает играть все большую роль в экономике страны, МНР все чаще прибегает к опыту СССР. Новая технология обработки земли, сельскохозяйственная техника, культивируемые сорта зерновых, кормовых и тем более садовых культур — это не только помощь экономически более развитого Советского Союза, но и проникновение элементов интернациональной культуры, которые привели к созданию в некогда полностью кочевой стране новой отрасли сельского хозяйства (к 1965 г. она давала уже 20% всей его продукции)¹⁹.

¹⁷ И. М. Майский, Монголия накануне революции, М., 1960, стр. 194.

¹⁸ И. М. Майский, Указ. раб., стр. 97.

¹⁹ Б. Гунгадаш, Указ. раб., стр. 142.

Интересен еще один канал влияний на монгольскую культуру — индо-тибетский. Это влияние пришло с ламаизмом, пропитало собой духовную жизнь монгольского общества и сейчас еще достаточно ощутимо. Организационная структура ламаистской религии, жизненный уклад сангхи (буддийской общины), каноническая литература пришли в Монголию в более или менее сложившемся виде и после некоторой адаптации были усвоены обществом и сохранялись более 200 лет. В то же время сугубо светские стороны жизни, не имеющие к религии прямого отношения, оказались ламаизированными и в таком виде существуют и сейчас. Таков, например, монгольский именной календарь, в котором личные имена тибетского и санскритского происхождения составляют значительную часть. Таковы наименования дней недели, существующие в санскритском и тибетском монголизированных вариантах.

Рис. 5. Улан-Батор. Монастырь Гандантекинлинг. Покрутить молитвенные барабаны — долг каждого верующего и каждого туриста

Взаимодействие монгольской и общемировой культур, результативность их контактов требует специального исследования по историческим этапам этого процесса. Это один из самых перспективных этнографических сюжетов в МНР.

И наконец, еще одна проблема, которая не может остаться незамеченной этнографом в Монголии, — это судьбы монгольской религии. Монголия — одна из стран буддийского мира. Около 300 лет ее население исповедует ламаизм — особую ветвь северного буддизма. Монгольский ламаизм представляет собой классический пример исторически сложившегося синтеза ранних и поздних форм религии, шаманизма и народных верований с нравственно-философской доктриной северного буддизма. Ламаизм официальный (сангха, ее жизнь, изучение и комментирование канонической буддийской литературы) и ламаизм бытовой (ламаизированные обряды жизненного цикла, культ локальных божеств, культ огня, духо-покровителей отдельных личностей, семьи, юрты и т. д.) были как бы двумя полюсами: официальный ламаизм исповедовало высшее ламство Монголии, пользовавшееся в государстве определенными экономическими и правовыми льготами и получавшее в подарок от светской феодальной знати монастыри, крепостных аратов, деньги; народные же массы Монголии и низшее ламство имели дело преимущественно с бытовым ламаизмом. Службы при обо-культных местах, освящение территории при закладке каких-либо построек, установке юрт, свадьбы, рождение, похороны, исцеление от болезней, различного рода заклинания, т. е. все те народные культы и верования, которые существовали у монголов в доламаистский период, — все это стало содержанием ламаистской практики и помогло ламаизму преодолеть барьер между официальным утверждением и народным признанием.

Ламаизм в современной Монголии давно перестал быть той всеобъемлющей идеологической и культовой системой, которая регламентировала

Рис. 6. Улан-Батор. Деталь музейного комплекса «Дворец Богдо-Гэгэна». Лев — «собака Будды», охраняющий вход в храм

все сферы бытия. Вместо 747 монастырей (данные на 1921 г.) в стране действует один, а монахов сейчас не 100 000, а немногим более 100. Единственный действующий монастырь Гандантекчинлинг находится в Улан-Баторе, является центром жизни буддистов Монголии и, в соответствии с духом времени, туристическим объектом. В дни больших хуралов он собирает немало верующих, а по воскресеньям служит местом паломничества туристов и просто жителей столицы, многие из которых приходят в монастырь как в клуб или парк, так что кажущееся на первый взгляд оживление в храме отнюдь не является признаком возрождения религии. Это неоднократно отмечали иностранные путешественники и ученые, побывавшие в МНР²⁰. Гандантекчинлинг и его оживленная деятельность, политическая, экономическая, научная,— это реликты былого могущества официального ламаизма.

Но если Гандантекчинлинг отражает современное лицо официального ламаизма МНР, то не менее, а, может быть, даже более интересны для этнографа остатки бытового ламаизма. Для выявления форм бытования последнего намечена обширная программа их изучения, включающая не только четкое выделение собственно культовых форм, но и их локализацию. Разработанные маршруты помогли картографировать сохранившиеся формы религиозного синкретизма монголов. Наиболее интересный материал дали культы локальных божеств — *сабдахов* (они же древние духи — хозяева местностей, в честь которых соорудились самые ранние у монголов неприязательные святилища — кучи камней — *обо*), личных и семейных духов-покровителей — *сахьюсов*, которыми ламаизм заменил шаманских семейных и родовых — *онгонов*, взаимосвязь личных сахьюсов с сахьюсами соседних монастырей и т. д. Интересным также представляется сохранение в народной памяти культовых мест, связанных с такими персонажами общемонгольского пантеона, как обожествленный после смерти Чингисхан, Цаган-убугун, Гэсэрхан (культ последнего характерен для районов, где в прошлом было много китайского населения).

²⁰ J. B i s c h. Mongolia: Unknown Land, London, 1961, p. 113—119.

Это далеко не полный перечень проблем, которыми занимается этнографический отряд экспедиции и которые может поставить перед исследователем монгольская этнография.

В заключение хочется сказать несколько слов благодарности нашим монгольским коллегам. Самое активное участие в работе экспедиции принимает сектор археологии и этнографии Института истории АН МНР, которым заведует доктор исторических наук Н. Сэр-Оджав. Почти все сотрудники этого сектора работали в каком-либо из отрядов экспедиции. Внимательно следят за ее работой, оказывая всемерную помощь и поддержку, президент Академии наук МНР акад. Б. Ширэндьб, директор Института истории акад. Ш. Нацагдорж, ученый секретарь института Д. Гонгор. Именно дружеское участие монгольских коллег в значительной степени содействует успешной работе экспедиции.
